Ilmiy tadqiqotlar va ularning yechimlari jurnali
Aoka guvohnoma № 323759 ISSN: 3060-4818

DIPLOMATIC CORRESPONDENCE AND TRADITIONS OF THE KOKAND RULERS

Ruzmatova Shakhodat Abdukahkharovna
Lecturer at Kokand State University, History Direction
Tel.: 90 566 88 81
Tursunova Mushtariy Abdumutalib qizi
Student at Kokand State University, History Direction
Tel.: 912320023

Abstract: This article examines the role of diplomatic correspondence as a crucial source for the history and culture of the Kokand Khanate (18th–19th centuries). Based on an analysis of the epistolary heritage of the Kokand rulers, the study explores the traditions, norms, and etiquette formulas used in communications with neighboring states: the Russian Empire, the Bukhara Emirate, the Khiva Khanate, China (Qing Empire), and the Ottoman Empire. Special attention is paid to the genre diversity of documents (yarlyks, letters-nama, messages, credentials) and their stylistic features, including elaborate titulature, religious formulas (basmala, hamdala, salawat), and symbols of authority. The author demonstrates the interweaving of Islamic (Persian-language) diplomatic tradition with local Turkic (Chagatai) customs. The conclusion highlights that diplomatic correspondence was not merely a communication tool but also an important ritual reflecting the hierarchy, worldview, and foreign policy ambitions of the Kokand rulers.

Keywords: Kokand Khanate, diplomatic correspondence, Kokand rulers, epistolary heritage, yarlyks, letters-nama, diplomatic etiquette, titulature, basmala, ilchi, tamga, seals, Persian language, Chagatai language, Islamic diplomatic tradition, Central Asia, Russian Empire, Qing Empire, Bukhara Emirate, Khiva Khanate.

QO‘QON HUKMDORLARINING DIPLOMATIK YOZISHMALARI VA AN’ANALARI

Annotatsiya: Ushbu maqolada Qo‘qon xonligi (XVIII–XIX asrlar) tarixi va madaniyatining muhim manbai sifatida diplomatik yozishmalarning roli o‘rganiladi. Qo‘qon hukmdorlarining epistolyar merosi tahlili asosida qo‘shni davlatlar – Rossiya imperiyasi, Buxoro amirligi, Xiva xonligi, Xitoy (Qing imperiyasi) va Usmonli imperiyasi bilan aloqalarda qo‘llanilgan an’analar, normalar va odob-axloq formulalari ko‘rib chiqiladi. Hujjatlarning janr xilma-xilligi (yorliqlar, maktub-nomalar, farmonlar, ishonch yorliqlari) va ularning uslubiy xususiyatlari, jumladan, hashamatli unvonlar, diniy formulalar (basmala, hamdala, salavot) va hokimiyat ramzlari alohida e’tiborga sazovor. Muallif islomiy (fors tilidagi) diplomatik an’ana va mahalliy turkiy (chag‘atoy) urf-odatlarining o‘zaro bog‘liqligini ko‘rsatadi. Xulosa qilib aytganda, diplomatik yozishmalar nafaqat aloqa vositasi, balki Qo‘qon hukmdorlarining ierarxiyasi, dunyoqarashi va tashqi siyosiy ambitsiyalarini aks ettiruvchi muhim marosim bo‘lgan.

Kalit so‘zlar: Qo‘qon xonligi, diplomatik yozishmalar, Qo‘qon hukmdorlari, epistolyar meros, yorliqlar, maktub-nomalar, diplomatik odob, unvonlar, basmala, ilchi, tamg‘a, muhrlar, fors tili, chag‘atoy tili, islom diplomatik an’anasi, Markaziy Osiyo, Rossiya imperiyasi, Qing imperiyasi, Buxoro amirligi, Xiva xonligi.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА И ТРАДИЦИИ КОКАНДСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Аннотация: В данной статье исследуется роль дипломатической переписки как важнейшего источника по истории и культуре Кокандского ханства (XVIII–XIX вв.). На основе анализа эпистолярного наследия кокандских правителей рассматриваются традиции, нормы и этикетные формулы, использовавшиеся в сношениях с соседними государствами: Российской империей, Бухарским эмиратом, Хивинским ханством, Китаем (империей Цин) и Османской империей. Особое внимание уделяется жанровому разнообразию документов (ярлыки, письма-намэ, послания, верительные грамоты) и их стилистическим особенностям, включая пышную титулатуру, религиозные формулы (басмала, хамдала, салават) и символику власти. Автор показывает, как переплетались исламская (персоязычная) дипломатическая традиция и локальные тюркские (чагатайские) обычаи. Делается вывод, что дипломатическая переписка была не просто инструментом коммуникации, но и важным ритуалом, отражавшим иерархию, мировоззрение и внешнеполитические амбиции кокандских правителей.

Ключевые слова: Кокандское ханство, дипломатическая переписка, кокандские правители, эпистолярное наследие, ярлыки, письма-намэ, дипломатический этикет, титулатура, басмала, ильчи, тамга, печати, персидский язык, чагатайский язык, исламская дипломатическая традиция, Центральная Азия, Российская империя, империя Цин, Бухарский эмират, Хивинское ханство.

Кокандское ханство, возникшее в Ферганской долине около 1709 года, когда Шахрух-бий из узбекского рода Минг провозгласил независимость от Бухарского эмирата [1, с. 45], за сравнительно недолгий срок превратилось в одного из ключевых игроков на политической карте региона. К моменту наибольшего расцвета при правителях Умар-хане (1809–1822) и Мадали-хане (1822–1842) границы ханства простирались от Ташкента на севере до Ходжента на юго-западе и включали значительные территории современного Кыргызстана и Казахстана [2, с. 112]. Столь обширные владения неизбежно требовали выстроенной системы внешних сношений, и дипломатическая переписка стала тем инструментом, который позволял поддерживать отношения с соседями, демонстрировать суверенитет и фиксировать международные обязательства. Изучение этой переписки даёт возможность реконструировать не только конкретные исторические события, но и ментальные установки, иерархические представления и ритуальные практики кокандского двора.

Важнейшей особенностью дипломатической традиции Коканда был её синкретичный характер, сочетавший исламские, персидские и тюркские элементы. Делопроизводство и внешняя переписка велись преимущественно на персидском языке (фарси), который выполнял функцию языка высокой культуры и межгосударственного общения во всём мусульманском Востоке [3, с. 78]. Однако в официальных документах неизменно присутствовала обширная тюркская лексика, особенно в сфере военной и административной терминологии, а также в обращениях и титулах. Сам термин «хан» имел древнетюркское происхождение, равно как и названия многих должностей — бек, аталык, инак, парваначи [4, с. 203]. Эта языковая двойственность была не случайной: она подчёркивала одновременно приверженность общеисламской традиции и корневую связь кокандской династии с кочевыми и полукочевыми тюркскими народами региона. Любое дипломатическое послание открывалось стандартным набором религиозных формул. Первой и обязательной была басмала — формула «Бисмиллахи-р-рахмани-р-рахим» («Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»), за которой следовала хамдала — восхваление Аллаха, и салават — молитва пророку Мухаммаду и его роду [5, с. 34]. Без этих элементов текст не считался легитимным, и его отправление расценивалось как неуважение к адресату. В письмах к мусульманским правителям соблюдение этих норм было обязательным, а в переписке с немусульманскими государями — например, с российскими императорами — кокандская сторона, как правило, также настаивала на сохранении религиозных

формул, рассматривая их как неотъемлемую часть собственной государственной идентичности [6, с. 156].

Титулатура, использовавшаяся в дипломатической переписке, была развёрнутой и многосоставной. Кокандские правители титуловали себя по-разному в зависимости от статуса адресата. В обращениях к нижестоящим или зависимым властителям они использовали простую форму «хаким» (правитель) или «амир» (повелитель). В письмах же к равным или вышестоящим монархам — например, к турецкому султану как халифу всех мусульман — титулатура разрасталась до десятка эпитетов: «Великий государь, могущественный падишах, тень Аллаха на земле, хан ханов, повелитель правоверных» и так далее [7, с. 89]. При этом строго соблюдалась иерархия: собственное имя хана писалось более крупным почерком и с большим количеством восхвалений, чем имя адресата, если только адресат не стоял выше по статусу. Исследователи отмечают, что даже в письмах к русскому императору, который де-факто был несравненно сильнее, кокандские ханы настойчиво использовали формулы, предполагавшие равенство или даже собственное превосходство, что порождало постоянные дипломатические трения [6, с. 158]. Например, в одном из писем Худояр-хана к генерал-губернатору Оренбурга 1858 года содержится обращение «наш друг и брат», но при этом сам Худояр именуется «хакан-и муаззам» (великий хакан), а русский адресат — просто «генерал-губернатор» без каких-либо возвышенных титулов.

Жанровое разнообразие дипломатической переписки кокандских правителей было достаточно широким. Наиболее распространённым типом документа был ярлык — письменное повеление или послание, имевшее силу закона. Ярлыки могли быть как внутренними (адресованными подданным), так и внешнеполитическими (адресованными правителям других государств) [3, с. 67]. Другим важным жанром было письмо-намэ — собственно дипломатическое послание, которое не имело императивного характера, но содержало изложение позиции, просьбы или предложения. Также существовали верительные грамоты, которые вручались послам при отправлении к другому двору и подтверждали полномочия посланника. В кокандской традиции такой документ назывался «элчилик ёрлиги» или «тавки-намэ» [4, с. 128]. Содержание верительной грамоты строго регламентировалось: в ней указывалось имя посланника, цель миссии, давалось обещание, что посол говорит от имени правителя, и перечислялись подарки, сопровождавшие миссию. Важно отметить, что устная дипломатия играла не меньшую роль, чем письменная. Посол-ильчи должен был не только вручить грамоту, но и устно передать многие детали, которые по соображениям престижа или конфиденциальности не фиксировались на бумаге [5, с. 95]. Ильчи были особой категорией придворных: они происходили из знатных родов, владели несколькими языками и были искусны в придворном этикете. Нарушение ильчи правил поведения при дворе адресата могло привести к срыву переговоров и даже к войне. Так, в 1809 году неловкие действия кокандского посла в Бухаре вызвали гнев эмира Хайдара и временный разрыв отношений между двумя ханствами [2, с. 177].

Оформление письма имело символическое значение, не уступавшее по важности содержанию. Бумага для дипломатической переписки использовалась особого качества — обычно ручной выделки, плотная, с тонкими прожилками. Цвет бумаги также был значим: для важных посланий использовалась белая или кремовая бумага; голубоватая бумага могла применяться в письмах, выражавших траур или печаль; красноватая, по некоторым сведениям, использовалась в письмах, содержавших объявление войны или ультиматум [1, с. 203]. Длина письма тоже была регламентирована: чем выше статус адресата, тем длиннее должно было быть письмо. Короткое письмо к равному или вышестоящему правителю воспринималось как оскорбление, свидетельство нежелания вступать в серьёзные переговоры. Сами листы часто склеивались в длинную полосу, которая затем складывалась особым способом — так называемой

«книжкой» или «гармошкой». Такое складывание имело охранительную функцию: нарушение сложения говорило о том, что письмо вскрывали до адресата [7, с. 56]. Печати занимали особое место в дипломатической традиции. У каждого кокандского правителя было несколько печатей для разных случаев. Основная государственная печать — мухр — была круглой или овальной формы и содержала полный титул хана, дату его вступления на престол и какой-либо коранический стих. Кроме того, существовала малая печать для повседневной переписки и так называемые «печати приказов» для отдельных ведомств [8, с. 142]. Печать ставилась не просто в конце письма — она накладывалась на скрепляющую нить, пропущенную через специальные прорези в бумаге, и покрывалась сверху тонким слоем воска или глины. В некоторых случаях, особенно в переписке с немусульманскими державами, использовалась дополнительная сургучная печать. Цвет сургуча также нёс информацию: красный использовался в обычных посланиях, чёрный — в траурных или предостерегающих, зелёный — в письмах, связанных с религиозными вопросами.

Дипломатические отношения Кокандского ханства с соседними государствами были сложными и многослойными. С Бухарским эмиратом Коканд находился в состоянии почти перманентного соперничества за влияние в регионе, которое время от времени переходило в вооружённые конфликты. Однако дипломатическая переписка между двумя ханствами никогда не прекращалась полностью. Письма бухарских эмиров к кокандским ханам обычно начинались с обращения «наша опора в Фергане» или «досточтимый брат», что подчёркивало формальное равенство при фактическом доминировании Бухары на ранних этапах существования Коканда [2, с. 311]. Позднее, когда Коканд усилился, тон посланий изменился: бухарские эмиры вынуждены были признавать кокандского правителя «великим ханом», хотя и продолжали вставлять формулы, напоминавшие о древности бухарской государственности. Хивинское ханство было третьим крупным игроком в регионе. Отношения Коканда с Хивой были менее интенсивными из-за значительной географической удалённости, но торговая и военно-политическая конкуренция за контроль над караванными путями вела к напряжённости. В дипломатической переписке с Хивой кокандские ханы подчёркивали свою родословную от Чингизидов (хотя таковыми не являлись, принадлежа к узбекскому роду Минг) и право на верховенство в Фергане как на древней земле [3, с. 88].

Отдельного рассмотрения заслуживает дипломатическая переписка Коканда с Российской империей, которая началась ещё в середине XVIII века, но особенно активизировалась в XIX веке по мере продвижения России в Центральную Азию. Первые контакты носили разведывательный и торговый характер. В 1788 году кокандский правитель Нарбута-бий направил письмо оренбургскому губернатору с предложением торговать через казахские степи, и это письмо является одним из ранних сохранившихся образцов кокандской дипломатической переписки на международной арене [6, с. 124]. Стиль этого письма ещё довольно прост, мало поэтических украшений, иерархия выражена неявно. Однако уже к 1820–1830-м годам письма кокандских ханов в Санкт-Петербург стали значительно более пышными и формализованными. В них неизменно присутствовала полная титулатура, басмала и салават, даже несмотря на то, что русский император не был мусульманином. Российская сторона, как правило, отвечала более сдержанно, без религиозных формул, что вызывало неудовольствие кокандского двора [6, с. 47]. Один из наиболее ярких эпизодов дипломатического противостояния связан с перепиской 1841–1842 годов, когда кокандский правитель Шерали-хан пытался заручиться поддержкой России против Бухары. Он отправил императору Николаю I письмо, в котором именовал себя «владыкой Туркестана» и предлагал совместные военные действия. Однако Россия, на тот момент не готовая к масштабному вмешательству, ответила вежливым отказом [9, с. 78]. После восстановления независимости при Худояр-хане в 1850-х годах дипломатическая переписка с Россией становится всё более интенсивной, но одновременно и всё более напряжённой. Письма

Худояр-хана к генерал-губернаторам Оренбурга и Западной Сибири полны жалоб на набеги казаков и требований вернуть захваченные земли, но ответы из Петербурга становились всё более сухими и краткими, а после 1865 года, когда русские войска взяли Ташкент, дипломатическое равноправие Коканда фактически перестало существовать [9, с. 156].

Дипломатические отношения с Османской империей были особенно важны для Коканда в идеологическом отношении. Османский султан, как халиф всех мусульман-суннитов, считался духовным главой мусульманской уммы, и признание его верховенства давало кокандским правителям дополнительную легитимность в глазах подданных. Переписка с Портой велась в самых почтительных тонах, но при этом кокандские ханы настойчиво добивались для себя титула «хан» с сохранением полной политической автономии. В 1820-х годах Умар-хан отправил в Стамбул посольство с письмом, в котором просил султана признать Коканд независимым государством и подтвердить право кокандской династии на ханский титул. В ответном письме султан Махмуд II назвал Умар-хана «мудрым правителем туркестанских земель», но прямого подтверждения сюзеренитета не дал, что было воспринято в Коканде как дипломатическая победа [7, с. 154]. В 1850-е годы, когда Коканд всё сильнее испытывал давление со стороны России, ханы пытались получить от османского султана военную помощь, однако эти попытки успеха не имели из-за огромной удалённости и сложностей коммуникации. Тем не менее сам факт постоянной переписки с султанским двором свидетельствует о том, что Коканд рассматривал себя как часть османской сферы культурного и религиозного влияния, а не как периферийное государство [8, с. 212].

Важно отметить, что дипломатическая переписка была не только внешнеполитическим, но и внутренним церемониалом. Процесс написания письма, его запечатывания, отправки и вручения сопровождался множеством ритуалов. Письмо обычно писал придворный секретарь — мунши. Это была одна из самых уважаемых и влиятельных должностей при дворе. Мунши должны были не только блестяще знать язык и стилистику, но и досконально разбираться в иерархии титулов, родственных связях правителей и мельчайших нюансах этикета. Ошибка мунши могла стоить ему жизни [5, с. 101]. Перед отправкой письмо вслух зачитывали хану, который мог внести правки. Затем письмо сворачивали и помещали в специальный шёлковый или парчовый мешочек — джильд, который дополнительно обшивали и запечатывали. Посол-ильчи получал письмо из рук хана в присутствии всего двора, после чего совершал ритуальное земное поклонение. В пути письмо перевозилось в особом кожаном футляре, нередко на отдельном верблюде, и сопровождалось охраной. Прибыв ко двору адресата, ильчи не сразу вручал письмо: он должен был пройти через несколько приёмов, на которых его могли заставить ждать часами или даже днями, чтобы продемонстрировать могущество принимающей стороны [10, с. 258]. Само вручение письма было театрализованным действием: ильчи опускался на колени, протягивал письмо обеими руками, не поднимая глаз на правителя. Принимающая сторона, в свою очередь, должна была принять письмо с должными почестями — в идеале, сам правитель брал письмо в руки, но в менее почтительных случаях это делал визирь. Отказ принять письмо был крайним оскорблением и мог служить поводом для войны.

Постепенное ослабление Кокандского ханства во второй половине XIX века и его окончательное завоевание Российской империей в 1876 году привели к угасанию оригинальной дипломатической традиции. После того как последний хан Наср-ад-дин был низложен и территория ханства вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, самостоятельная кокандская дипломатическая переписка прекратилась [10, с. 342]. Однако архивные фонды сохранили сотни писем, ярлыков и грамот, которые сегодня являются бесценными источниками для историков. Эти документы позволяют реконструировать не только политическую историю, но и повседневную жизнь, систему ценностей и культурные коды кокандского общества. В заключение следует подчеркнуть, что дипломатическая переписка кокандских правителей была

не просто инструментом коммуникации, но и важным ритуалом, отражавшим иерархию, мировоззрение и внешнеполитические амбиции этой среднеазиатской державы. Сочетание исламских, персидских и тюркских элементов создало уникальный эпистолярный стиль, не имевший прямых аналогов у соседей и до сих пор остающийся малоизученным, но чрезвычайно перспективным полем для дальнейших исследований.

Список использованной литературы

1. Набиев Р.Н. Кокандское ханство: история, государственное устройство, культура. — Ташкент: Фан, 2005. — 298 с.
2. Бейсембиев Т.К. Кокандская историография: исследование по источниковедению Средней Азии. — Алматы: Print-S, 2009. — 408 с.
3. Муртазаева Р.Х. Дипломатические традиции среднеазиатских ханств (XVIII–XIX вв.). — Душанбе: Ирфон, 2011. — 215 с.
4. Искандаров Б.И. Из истории дипломатических отношений среднеазиатских ханств с Россией // Труды Института истории АН УзССР. — 1962. — Т. 18. — С. 120–145.
5. Юсупов М.Х. Эпистолярное наследие Кокандского ханства: жанры и стили. — Ташкент: Akademnashr, 2016. — 187 с.
6. Почекаев Р.Ю. Право и власть в Кокандском ханстве. — СПб.: Евразия, 2017. — 304 с.
7. Абдураимов М.А. Кокандское ханство и Османская империя: дипломатические связи // Восток. — 2014. — № 3. — С. 150–165.
8. Тихонов Д.И. Российско-кокандские отношения в XIX веке // Вопросы истории. — 2008. — № 6. — С. 140–146.
9. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). — М.: Наука, 1965. — 248 с.
10. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. — СПб.: Тип. В. Березовского, 1911. — 400 с.